

Страх и прочие обстоятельства

Алексей Румянцев

2026

Алексей Румянцев

Страх и прочие обстоятельства

«Автор»

2026

Румянцев А. В.

Страх и прочие обстоятельства / А. В. Румянцев — «Автор»,
2026

Выключенный телефон продолжает получать сообщения. Старый радиоприемник знает о каждом следующем шаге своего владельца. В стоге за домом кто-то ворчит. «Страх и прочие обстоятельства» - восемнадцать избранных рассказов Алексея Румянцева о людях, столкнувшихся с необъяснимым, чужой жестокостью и последствиями собственных решений. Здесь у страха много обличий, и далеко не все они связаны со сверхъестественными явлениями.

© Румянцев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Абонент вне зоны доступа	6
Пугало	11
Медвежонок с человеческими зубами	18
Дом закрытых дверей	20
Продавец жизни	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Румянцев

Страх и прочие обстоятельства

Предисловие

Привет, дорогой читатель (надеюсь, ты не против, что я сразу на "ты"). Сейчас у тебя в руках (или, скорее, на экране твоего ридера) сборник лучших рассказов из тех, что я написал за последние двенадцать лет. Если ты уже давно со мной, скорее всего, большинство из них будут тебе знакомы. Тем не менее они прошли достаточную трансформацию, для того чтобы опубликовать их еще раз в виде отдельного сборника.

Мой первый учитель по литературному искусству любил говорить: "Знай, для кого ты пишешь", чем постоянно вводил меня в замешательство. Мне хотелось писать для всех. Чтобы каждый, открыв мою книгу, находил в ней что-то свое. Однако со временем критика меня отрезвила, и я понял, что это фактически невозможно. Теперь, у моего читателя есть свое имя и мнение. Он любит читать перед сном, любит ужасы и когда за каждым чудовищем скрывается не менее чудовищная история, заставляющая его казаться живым. Надеюсь, ты - это он. Мой читатель. И если так, то добро пожаловать в мир моих кошмаров. Этот сборник - финальные версии рассказов с 2014 по 2026 год, которые я публиковал в паблике vk и на своем сайте. Я больше не стану их переписывать, даже если со временем, мне покажется, что этим стоит заняться. Их было интересно писать. Надеюсь, будет интересно тебе - читать. Увидимся в послесловии. И заранее желаю приятного чтения и хороших снов.

Абонент вне зоны доступа

Середина нулевых годов. Телефоны пока еще не поработили человечество, но уже готовились к последнему решительному рывку. Я работал на стройке - нечестные деньги за честный труд, однако это были те золотые годы, когда я наконец уехал из деревни и наслаждался свободой.

Первое время мобильные телефоны меня не интересовали. Когда денег едва хватает на еду, последнее, о чем хочется думать, так это о роскоши. Однако шли годы, телефоны становились дешевле, а я дослужился до бригадира и уже мог позволить себе какие-никакие траты, даже несмотря на то, что к тому времени уже обзавелся женой и ипотечной квартирой. Вскоре родители умерли, оставив мне небольшое наследство в виде дома, который я, отгоревав положенный срок, продал. А еще через пару лет после этого я впервые подумал, что жизнь начала налаживаться и я действительно могу позволить себе если не все, то достаточно многое, о чем раньше мог только мечтать.

В 2009 году я впервые поехал на радиорынок не ради мотка проводов или замены сломавшегося инструмента, а чтобы подобрать себе какую-нибудь «трубу» поприметнее.

Радиорынок в тот день встретил меня неприветливо. Шел дождь, портящий картину единственного за последний месяц выходного дня. Летняя жара уже уступила место осенней промозглости. Я шел между торговых рядов, сам не зная, чего тут ищу. Пройдя рынок из конца в конец в очередной раз и осмотрев, кажется, все, я уже было засобиравшись уйти домой без покупки, как тут мое внимание привлек неприметный ларек, расположенный у самого входа, который до этого момента каким-то чудом избегал моего внимания. Поскольку он все равно был мне по пути, я решил остановиться и осмотреть его чуть внимательнее.

За прозрачной стенкой из плексигласа, среди кофемолок и микроволновок, на украшенном вышивкой коврик красовалась десятка два почти новых мобильных телефонов одинаковой марки, которая, впрочем, ни о чем мне не говорила. Возле вручную написанных ценников, на таких же бумажках, продавец бисерным почерком расписал названия моделей, их характеристики, а также указал, что телефоны работают. Но, что важнее всего, в комплекте с каждым телефоном он предлагал бесплатную предоплаченную сим-карту с красивым номером с большим количеством одинаковых цифр: бери и звони. Последнее в конечном счете разрешило мои оставшиеся сомнения.

Хозяин прилавка, почтенных лет мужчина с седой окладистой бородой и рассеянным взглядом, кажется, не планировал привлекать внимание посетителей, сидя в своем углу и читая газету. На меня он внимания также не обращал.

- Здравствуйте, - сказал я. - А телефоны точно работают?
- Все как написано, - отозвался продавец, не поднимая взгляда от газеты.
- А почему так дешево?
- Нормально. Накинешь сверху - спорить не буду.
- А зарядка?
- В коробке.

Я присмотрелся к аппаратам. Они, без сомнения, не были новыми. Местами виднелись потертости, у пары телефонов с кнопок стерлась краска. Но их состояние было значительно лучше, чем во всех соседних ларьках, поэтому после пробного звонка домой я, даже не пытаясь торговаться, взял модель черного цвета себе, красного - жене, и закинул на баланс остаток принесенных с собой денег в ближайшем салоне связи.

Я был доволен. И даже не столько самим телефоном, сколько номером, доставшимся мне вместе с ним: 555-66-55 - его даже запоминать не пришлось. Казалось, именно такой телефон у меня всегда и был. Уже к этому вечеру его знали все мои друзья и знакомые.

Прошла неделя. Возможность звонить кому угодно из любой точки города казалась мне настоящим чудом. Моя жена Наташа, кажется, не могла понять моих чувств. Ей вполне хватало городского телефона для общения с подругами, а на работе у нее был другой телефон. Будучи городской жительницей до мозга костей, Наташа привыкла быть на связи, курсируя от телефона до телефона, и такое чудо, как мобильная связь, казалось ей просто приятным дополнением к жизни. Для меня же покупка стала настоящим спасением. Работать стало значительно проще - я мог связаться с клиентами и с поставщиками материалов прямо с объекта, не возвращаясь в офис, и решить большинство проблем, что значительно облегчало и ускоряло работу. Спустя несколько дней я уже не сомневался, что до следующего повышения у меня получится дослужиться куда быстрее.

Все началось спустя примерно месяц после покупки.

Телефон, лежащий на тумбочке возле моей кровати, внезапно зажужжал, оповещая о входящем сообщении. Я машинально открыл глаза, вглядываясь в темноту глубокой ночи. Светящийся бледно-зеленым циферблат часов у кровати показывал два часа ночи. Наташа спала рядом и, кажется, ничего не услышала. Ее глубокое спокойное дыхание вновь почти усыпило меня, как вдруг телефон зажужжал вновь. Наташа вздохнула и перевернулась на другой бок, а я, разбуженный окончательно, взял телефон в руки.

Два СМС-сообщения пришли с неопознанного номера с разницей в пару минут. Вместо цифр входящего номера было написано просто «абонент», как если бы этот номер уже был забит в память телефона под этим именем. Вот только я был уверен, что никого в своем списке контактов так не называл.

Необычными были и сами сообщения. Первое из них состояло всего из одного слова: «проснись». Однако второе сообщение было и вовсе безумным: «Каска сломана. Найди другую».

Какое-то время я глупо смотрел на горящий синим цветом дисплей, силясь понять, у кого хватило мозгов на такую глупую шутку. Я просто написал «отвали, псих», после чего выключил телефон и снова уснул. Однако утром, включив телефон, я увидел, что мое сообщение не было отправлено, потому что такого абонента не существует. Я рассказал о странных сообщениях жене. Наташа сперва забеспокоилась. «Нечего было брать чужой номер, скупердяй». Однако новых сообщений не приходило, и мы быстро забыли об этой странной истории, тем более что этим утром у меня и без того было много забот: у меня открывался новый строительный объект.

Нашей компании удалось выиграть городской тендер. На месте недостроенной многоэтажки, которую нужно было сперва разобрать, нам предстояло построить новый торговый центр. В тот день мне нужно было вместе с первой бригадой наметить первые этапы демонтажа и определиться с техникой для аренды.

Бетонный остов заброшенного недостроя казался скелетом какого-то причудливого чудовища. То тут, то там из незаконченных стен щетиной торчали куски спиленной арматуры: кто-то знатно поработал болгаркой, обогащая местный пункт приема металла. Те стены, которые успели построить, были густо закрашены граффити, намекая на то, что забор вокруг был не больше чем декорацией.

Я и еще несколько человек из моей бригады подъехали к объекту на автобусе с необходимым оборудованием. Быстро расставив задачи и убедившись, что все приступили к их выполнению, я решил обойти периметр здания с геодезистом, чтобы прикинуть примерную площадь объекта, как вдруг заметил, что в моей каске отсутствует мягкая подкладка. Пластик самой каски, впрочем, казался вполне целым, однако в памяти засело злосчастное сообщение

из телефона: «Каска сломана. Найди другую». Не слишком ли большая точность для такого совпадения? Не иначе - телефонный шутник был из моей бригады.

Быстро отыскав в запасах целую каску, хоть и подписанную чужим именем, я нагнал уже разошедшихся по своим делам людей и с ходу задал вопрос, крутящийся у меня в голове:

- Так, признавайтесь, кто из вас, умников, это сделал?

- Сделал что, шеф? - Недоуменный гул и хмыканье сбивали с толку, но я попробовал снова, надеясь по лицу определить виновного.

- Сообщения этой ночью про каску мне кто прислал?

Еще большее непонимание, охватившее бригаду, быстро заставило меня отступить.

- Ладно, проехали, кто бы ты ни был, просто имей в виду, что ночью...

Закончить я, скорее всего, не успел. Раздался громкий треск, стук, а затем - я очнулся в автобусе. Меня обступали знакомые лица - моя бригада. Все выглядели напуганными.

- Очнулся! - крикнул кто-то, и напряжение спало, люди заулыбались, зашевелились, словно ожив одновременно со мной.

Ближний ко мне строитель показал мне мою каску. Судя по следам крови, мне немало досталось, но в тот момент боли я толком не чувствовал.

- Надо же, только что о ней говорили, шеф, и тут - кусок стены обвалился прямо на вас. Я уж было решил, что вы шею сломали...

Вечер я провел в больнице. Шея болела, голова - тоже, но я этого не замечал. Наташа позвонила вечером, спросила про самочувствие, но так и не навестила. Больницы всегда плохо действовали на нее, и, убедившись, что я в порядке, она продолжила проявлять заботу удаленно. Впрочем, меня это не беспокоило. Раз за разом я перечитывал ночные сообщения. Если бы не предупреждение, я надел бы каску без подкладки, и сейчас мне бы лечили не растяжение и подозрение на сотрясение, а вытаскивали из черепа куски бетона и вправляли шею на место, чтобы в гробу смотрелся приличнее. Сообщение, без сомнения, спасло мне жизнь. И это не было шуткой - вся моя бригада была со мной, когда стена обвалилась, а значит, виноватых не было, если, конечно, не подозревать, что все девять человек в моей бригаде решили меня убить.

Прошло еще несколько недель, прежде чем я получил новое сообщение от «абонента». Я как раз подъезжал к своему дому, уже мечтая о том, чтобы поскорее принять душ и отправиться спать.

«Она тебе изменяет», - сообщил телефон. Конечно же, это было чушью. Да, в последнее время мы с Наташей редко общались, запертые в своих собственных бесконечных кругах ада, состоящих из повторяющихся циклов «работа - дом - работа», где работе отводилось куда больше времени и внимания. Но я хорошо помнил, как начинались наши отношения. Как она, вопреки мнению своих богатых родителей, согласилась стать женой полунического строителя, веря в мой потенциал. И ведь она не ошиблась - теперь даже по местным городским меркам мы были весьма обеспеченны. Даже ее отец начал ко мне хорошо относиться...

Наскоро припарковавшись, я поспешил домой. Конечно, кроме самой Наташи, там никого не было. Она возилась на кухне, разогревая ужин. Была не в настроении - разговорить я ее так и не смог, поэтому, чтобы не сидеть без дела и случайно не выдать свое неожиданное и ничем не оправданное подозрение, я начал прибираться в квартире, подсознательно выискивая какие-нибудь улики, но, само собой, ничего не нашел. Позже, ночью, я получил еще одно сообщение от абонента: «Ищи у нее на работе». Вот это был уже явный перебор. Сообщения начали вмешиваться в мою жизнь и портить семейные отношения, которые я так долго выстраивал. Внимательно изучив функции телефона, я заблокировал «абонента». Я верил своей жене. По крайней мере, верил ей больше, чем неизвестному предсказателю, шлющему мне сообщения по неизвестно каким причинам.

Спустя три дня я получил еще одно сообщение. Функция блокировки не сработала.

«Они следят за тобой».

СМС пришла, когда я был за рулем, и, увидев ее, я резко свернул на обочину, едва не зацепив проезжавший мимо «Мерседес». Его водитель, притормозив, показал мне в окно средний палец, но я едва заметил это, потому что машина, едущая за мной, явно снизила скорость и едва не припарковалась возле меня, прежде чем поехала дальше. Из-за тонировки боковых окон я так и не смог разглядеть лица водителя, но был уверен - это тот, о ком писал абонент.

«Никому не доверяй», - написал «абонент».

Я едва не уронил телефон. Руки дрожали. Сердце колотилось, угрожая вот-вот выскочить из стиснутого спазмом горла. Боясь получить новое угрожающее предсказание, я снял заднюю крышку и вытащил батарею и рискнул завести мотор лишь спустя десять минут, когда полностью успокоился.

Демонтаж старого здания шел полным ходом. Заранее проверив, что все каски целы и хорошего качества, наша бригада уже убрала все шаткие элементы конструкции и начинала разбор несущих стен второго этажа. Чтобы сохранить как можно больше материала, работали медленно - так выходило дороже, но все должно было окупиться с лихвой, когда настанет пора заказывать новые материалы.

Забравшись в вагончик, который я использовал в качестве временного офиса, я принялся делать предварительные расчеты, сравнивая объем сохраненных материалов с их рыночной стоимостью. Быстро погрузившись в работу, я вздрогнул, когда получил третью СМС. Телефон по-прежнему был без батареи. Подсветка дисплея не работала, но сообщение читалось, выведенное черными пикселями на темно-зеленом дисплее.

«Она хочет тебя отравить».

В моей правой руке, только что державшей карандаш, был наполовину развернутый бутерброд. Обычно Наташа не делала мне обедов, потому что, как правило, я ел вместе с остальными рабочими в полевой столовой. Однако в этот раз пришлось сделать исключение, потому что сразу после расчетов я должен был поехать в центральный офис и обед непременно бы пропустил.

В мучительных раздумьях я перечитал сообщение несколько раз. Эта фраза не могла значить ничего, кроме того, что она значила, а первое предсказание, сделанное с такой невероятной точностью, как и сам невероятный факт работы выключенного телефона, вынуждало меня верить этим сообщениям хотя бы отчасти. Однако я любил свою жену. И ничто, кроме этих чертовых сообщений, не давало мне повода подозревать ее ни в неверности, ни, боже упаси, в покушении на меня.

Спустя несколько минут я сделал свой выбор. Недалеко от объекта находился мост через небольшую городскую речушку. Включив телефон и наскоро предупредив пару самых важных контактов, что скоро у меня будет другой номер телефона, я быстрым шагом отправился туда, на ходу снова вытаскивая батарею, чтобы вынуть сим-карту. Затем я сломал ее пополам и, дойдя до реки, выбросил в воду. Больше ни одна СМС от ненавистного «абонента» не дойдет до меня. Вслед за ней в воду полетел и злополучный бутерброд. Аппетита все равно больше не было.

После работы по пути домой я зашел к оператору и купил новую сим-карту - простую, с совершенно обычным номером телефона, но зато зарегистрированную на мое имя. Уже дома, включив телефон, я увидел последнее сообщение от «абонента».

«Этим вечером он придет за тобой. Она ему откроет. Прощай».

Наташа сидела рядом. - Ты что же, сегодня даже не кушал? - спросила она. Ее хорошо знакомый голос и интонации казались слегка напряженными. - Нет, совершенно забегался с новым объектом. Прости. - Ну ничего, сейчас я тебе чего-нибудь разогрею.

Сидя за столом в ожидании ужина, я краем глаза заметил, как Наташа, снующая по кухне, нервно взглянула на часы, словно ожидая чего-то.

На журнальном столике зажужжал телефон. Не мой, а красный - Наташин. Не удержавшись, я встал и взял его в руки.

Ей, как и мне, пришла СМС от «абонента»:

«Последний шанс. Он задушит тебя во сне. Открой дверь. В глазок не смотри».

В этот момент в дверь к нам позвонили. Я услышал, как Наташа стремглав бросилась к двери, на ходу вынимая ключи из кармана передника. Я быстро взял нож со стола и поспешил за ней следом.

Пугало

Эту записку нашли на заброшенной железнодорожной станции, на лавке, придавленной камнем, чтобы ее не унесло под дождь случайным порывом ветра. Ни документов, ни вещей, если не считать старое воронье пугало, стоявшее неподалеку, обнаружено не было. Также не было ни одного заявления о пропаже человека, которого можно было бы связать с этой запиской, поэтому письмо было признано неважным, что и сделало возможным его публикацию с незначительными художественными вкраплениями от третьего лица. Можете считать этот рассказ реконструкцией.

Жители мегаполисов забывают, что области кратно превосходят города своими размерами. Исчерченные удушливой паутиной дорог, они раскинулись на тысячи километров. Большую часть этих бесконечных неосвоенных территорий занимают леса.

Деревни, как правило, сконцентрированы вдоль рек и дорог. Реже - бывших колхозных полей, теперь уже мало отличимых от леса. Часть этих деревень уже заброшена. Другая - еще сопротивляется, старея и медленно утая в земле под весом прожитого, тщательно скрытая среди лесов, так что об их существовании знают лишь местные жители.

Я решился на эту поездку не для того, чтобы что-то кому-то доказывать. Или не только для этого. Раньше мы с моей девушкой Мариной ездили в такие поездки вместе. Год назад она меня бросила, ушла к другому - более интересному, успешному или просто новому человеку, и эта поездка стала моим способом сказать самому себе, что ничего не изменилось. Что я по-прежнему могу делать то, что хочу, и получать от этого то же удовольствие, что и прежде, - с ней. Мне было важно доказать себе, что ей не удалось меня ранить. Хотя на самом деле это, конечно, было не так. К сожалению, я понял это только теперь.

Поезд ехал уже второй час, старательно приближаясь к конечной станции. Нетерпеливо щелкая по седлу тяжелого внедорожного велосипеда, молодой человек в летнем камуфляжном костюме попеременно смотрел то в левое, то в правое окно, силясь запомнить каждую деталь пролетающего мимо пейзажа. За окнами то и дело проносились однотипные, похожие друг на друга березы. Этот искусственный подлесок, высаженный вдоль путей, служил тонкой оградой перед настоящим лесом, тянувшимся вдоль горизонта уже бог знает сколько времени.

Для молодого человека с велосипедом это была первая вылазка на природу за целый год, и он изо всех сил старался уйти в нее с головой.

- Извините, сударь, а вы что же, сейчас не выходите? - прервала его мысли крепкая пожилая женщина лет семидесяти, уже собравшая остатки жареной курицы в пакет и запикивающая его в стоящую рядом сумку на пластиковых колесиках.

Кивнув ей вместо ответа, молодой человек посмотрел на свою ничем непримечательную собеседницу не без досады - она отвлекла его от созерцания, вырвав в реальность, в которой ему находиться совсем не хотелось.

- Вон оно как, - протянула она. - А вас, простите, как по батюшке?

- Георгий Николаевич.

- Очень приятно, Георгий. - Уже было собравшаяся к выходу женщина внезапно снова села напротив и внимательно посмотрела на молодого человека так, словно желая его запомнить.

- Там уже давно никто не живет. Зачем вам туда?

- В том-то и суть, - кивнул он. - Там никто не живет.

- Стало быть, от людей бежите? - уточнила она, но, не дождавшись ответа, все же взялась за ручку тележки и направилась к выходу.

- Знаете, - добавила она, не оборачиваясь. - По мне, конечно, не скажешь, но я почти 50 лет проработала в этих краях следователем. Из той деревни никогда никаких жалоб не поступало. Но почему-то ее все равно все избегали. И даже те, кто там жил, говорили: нехорошие это места. Да и я сама видела, как кто-то туда приезжает, но еще ни разу не видела, чтобы оттуда кто-нибудь уезжал.

Поезд остановился, и женщина спешно направилась к выходу.

- Выходите лучше сейчас. В моей деревне людей тоже немного, но они хотя бы есть, а это уже неплохо, - сказала она напоследок.

Поезд двинулся вновь. До конечной оставалось еще полчаса, и Георгий вновь начал рассматривать лес. Когда же поезд затормозил и наконец остановился, он быстро закинул рюкзак на плечи и выкатил свой велосипед на небольшой бетонный полустанок с деревянными, крашенными в зеленый цвет скамейками, стоявшими под обветшалой жестяной крышей. Кругом не было ни души. Только нелепое огородное чучело в драном зеленом пальто и соломенной шляпе стояло примотанное к металлической ограде, отделяющей станцию от окружавшего ее леса. Мешок, набитый, скорее всего, сеном и по нелепой случайности помятый так, что реально напоминал человеческое лицо, безучастно взирал на Георгия отсутствующими глазами.

Я выбрал эту дорогу случайно. Плана, по сути, не было, только карта и игра случая - как и всегда. Найти заброшенную деревню не составляет большого труда: стоит отъехать от крупной магистрали - и обязательно встретишь парочку, даже если не ищешь. Единственное, что я сделал специально, - выбрал ту, которая была далеко от железной дороги. Мне хотелось, чтобы приключение измотало меня.

Знак на въезде был новым, голубым - покрашенным максимум пару лет назад, но название на нем так и не написали.

Притормозив, Георгий немного посмотрел на эту причуду местных дорожников. Наверное, название деревни нигде не было обозначено, а знак был нужен для отчетности, - заключил он и снова сверился с карманной картой, взглядом отмечая проделанный путь: почти 40 километров от станции на север и затем еще пять на восток.

Глубоко вдохнув свежий лесной воздух, Георгий постарался отогнать волнение и тяжелые мысли. Деревенские дороги редко отличаются друг от друга. Поля, пролески, леса и озера. Вместо новых впечатлений он переживал старые. Теперь он ехал один, наедине с самим собой. И уже не с кем было посмеяться ни над его испугом из-за проскочившей в паре метров от велосипеда лисы, ни над странным деревом, искореженным то ли молнией, то ли пьяным трактористом.

Сделав фотографию необычного дорожного знака на новенький пленочный фотоаппарат и поскорее спрятав его обратно в рюкзак, чтобы только начавший капать дождь не попал в механизм, Георгий с силой крутанул педали.

Знак остался далеко позади, когда перед Георгием наконец раскинулся тот самый неповторимый деревенский пейзаж, который так любили воспевать поэты позднего русского декаданса.

Словно из ниоткуда по обеим сторонам дороги начали вырастать темные, поросшие мхом и диким хмелем холмы. Сложившиеся гармошкой заброшенные деревенские дома-рубленки, из-под которых порывы ветра гнали миазмы плесени, гниющей древесины, прелых яблок и чего-то еще.

Вначале я не заметил ничего необычного. Обычная заброшенная деревня, каких тысячи. Эта была даже не самой интересной из них - ни одного кирпичного дома, ни клуба, ни пруда, ни завода поблизости. Ее словно специально построили для того, чтобы затем забросить. Единственное, что я отметил, - запах. Он окутывал всю деревню и, даже когда я к нему привык, все равно оставался где-то там, на грани сознания, на кончике языка, неразличимый, но придающий отвратительный привкус каждому глотку воды.

- Домов сорок или даже пятьдесят, - заключил Георгий, доехав до конца дороги. Это селение было крупнее, чем он рассчитывал, когда подбирал маршрут. Но ошибся он совсем ненамного.

Дома строились по обе стороны от узкой, давно не ремонтировавшейся дороги и, казалось, жались друг к другу, словно прячась от холода. Первое, о чем подумал Георгий, когда это заметил, - тот удивительный факт, что деревню успели забросить прежде, чем она сгорела, потому что пожар при такой застройке неминуемо охватил бы все вокруг прежде, чем местные успели достать ведра.

Приусадебные участки прятались позади домов, лишь иногда отделяя строения друг от друга дальше, чем на пару метров. Чуть дальше за ними располагалось огромное, поросшее сорной травой поле.

Кончалась же деревня вместе с дорогой возле едва различимой в зарослях борщевика железной звезды.

- И это все? - спросил Георгий сам у себя вслух и удивился тому, как одиноко прозвучал его голос. Птицы уже отправились спать и ничего не слышали.

- Эгей! Есть кто живой?! - во всю мощь легких крикнул Георгий, решив не отказывать себе в этом маленьком хулиганстве. Ответом ему был только усиливающийся звон падающих с неба капель воды.

Я не был новичком и прекрасно знал, что делаю. План всегда был один - обойти целые здания. Если таких нет - возвращаюсь и сплю на вокзале, пока не приедет утренний поезд. Если какой-то из домов окажется пригодным - пережидая ночь в нем. Так или иначе, ночевка была обязательной частью приключения. Переждать ночь в незнакомом месте, где может произойти все, что угодно... Это как игра на собственных инстинктах. Заставляет чувствовать себя живым.

Дождь становился сильнее и уже начинал заливать за ворот камуфляжной ветровки. Несмотря на свой военный цвет и туристическое предназначение, ее нельзя было застегнуть под горлом, и Георгий быстро промок. Фотографировать под дождем и тем более в темноте было нечего, но хуже всего было то, что целых домов в деревне, кажется, не осталось.

Под скрип древних, как сама земля, покосившихся стен Георгий в последний раз проехался от памятника до поворота, ведущего прочь из деревни, в поисках возможного укрытия, пока его взгляд не зацепился за очертания дома, прежде успешно избегавшего его внимания.

Он стоял в самом начале деревни, был скрыт за двумя домами поменьше и не прилегал к основной дороге, что позволяло предположить, что его построили позже всех. На первый взгляд, он казался практически неповрежденным, более того, щеголял несколькими целыми окнами.

Притормозив у кустов, росших на месте ворот, Георгий прицепил велосипед замком к ближайшему бетонному столбу, вынул из кармана рюкзака фонарик и, светя им себе под ноги, уверенным шагом двинулся к распахнутой настежь входной двери.

- Есть кто-нибудь? - крикнул он, пробуя порог ногой на прочность и осторожно заглядывая в темный, как сама ночь, пустой коридор. Иногда в таких домах оставались бродяги.

Но что-то подсказывало Георгию, что это не тот случай. Его накрыло усиленным во сто крат запахом прелых яблок. В луче фонаря хорошо был заметен слой не пыли - земли, покрывающей пол и стены. Сквозь нее с трудом проглядывали очертания серой полуразложившейся соломенной циновки.

За небольшой прихожей без каких-то альтернатив следовала единственная лестница, ведущая на второй этаж. Должно быть, первый этаж был полностью отведен под погреб и открывался с другой стороны дома, как иногда делали в хозяйских домах, где рабочие и хозяйка жили под одной крышей. Опасаясь возможного интереса со стороны лесных хищников, Георгий закрыл входную дверь и закрепил ее при помощи припасенного для таких случаев в рюкзаке мотка паракорда, после чего, осторожно пробуя каждую ступеньку на прочность, поднялся наверх.

Второй этаж представлял собой большое помещение - сени с большими панорамными окнами и еще парой дверей, ведущих в разные части дома.

Недолго думая, Георгий подошел к ближайшей из них. За ней - обветшавшей и проеденной жуками чуть ли не до прозрачности - находилась просторная кухня с лавками у стен, металлическим, прикрученным к стене рукомойником и еще одной дверью, ведущей, очевидно, в спальню. Большую часть этого помещения занимала огромная кирпичная печь, благодаря которой, скорее всего, этот дом и оказался прочнее соседских. Вторая же дверь оказалась сильно перекошена, и Георгий не рискнул прикладывать силу, поскольку последствия такого поступка в гнилом доме могли быть совершенно непредсказуемыми.

Первый же шаг в сторону спальни заставил внутренности Георгия сжаться - пол под его ногами сперва прогнулся, а затем отпружинил обратно, словно детский батут. Все это сопровождалось громким, почти оглушающим скрипом - все доски пола ходили ходуном, и безопасно двигаться по нему было возможно лишь возле стен.

В отличие от пола кухни, пол второй комнаты оказался прочнее. Сделав несколько осторожных шагов в сторону от стены, молодой человек наконец позволил себе выдохнуть, уже уверенный: по крайней мере эта часть дома еще одну ночь точно простоит.

Помещение представляло собой душную (3 на 9 метров) спальню с кирпичным камином в углу и остатками дивана возле него. Вылезшая наружу обивка воняла плесенью.

За камином виднелась еще одна закрытая дверь. Подойдя к ней, Георгий попытался ее открыть, но что-то с другой стороны не давало ей открыться - возможно, засов или ее просто заколотили. Пожав плечами и решив, что с этой задачей он справится утром, Георгий вернулся к единственному окну - тому самому, целому, которое он видел с улицы.

Неудивительно, что оно продержалось так долго: двойная рама, служившая для утепления помещения зимой, была куда толще обычных.

Поднатужившись, Георгий вынул ее из проема, впустив в помещение поток свежего, напитанного влагой летнего воздуха. Подул ветер, и сквозняк захлопнул открытую дверь, отчего молодой человек вздрогнул, но быстро пришел в себя и с интересом осмотрел открывшийся ему из окна вид на заросший двор и пустую, такую же заросшую улицу.

Дом показался мне даром божьим. Кажется мне таким и теперь. Почему он один стоял здесь все эти годы? Неважно. Как я теперь понимаю, реши я заночевать на улице или, не дай бог, на вокзале, времени на это письмо у меня бы не оказалось.

С высоты второго этажа деревня выглядела куда живописней. Велосипед, неуместно смотревшийся возле покосившегося (местами даже обвалившегося) забора, казался единственным лишним элементом на этой иллюстрации к концу света.

Ночной холод меж тем становился отчетливее. Вынув из рюкзака дополнительную куртку и спальник, Георгий расположился на ночлег. По городским меркам, было еще рано, но

он планировал обследовать дом с первыми лучами солнца, а значит, на сон оставалось не так уж и много времени. Несмотря на пыль, скрипы стен, шум дождя и холодный лесной воздух, Георгий быстро уснул - казалось нервное напряжение - верный спутник всех, даже не самых рискованных приключений.

Спал Георгий без снов. Глубоко и спокойно, не догадываясь о том, что это был последний сон в его не такой уж и длинной жизни.

Когда Георгий снова открыл глаза, ночная темнота сменилась белесой туманной дымкой. Воздух еще не прогрелся, и когда Георгий подошел к окну, то увидел, что трава за окном покрылась не росой, но инеем. Небо, надежно скрытое под свинцового цвета облаками, угрюмо осматривало свои владения.

За забором, возле велосипеда, Георгий увидел чью-то коренастую фигуру. Она стояла возле самого его велосипеда, частично скрытая столбом ограды и зарослями черемухи и различимая лишь из-за постоянного движения странных тонких и каких-то излишне гибких рук.

- Эй, вы чего там делаете?! - хотел было спросить Георгий, но его вопрос повис в воздухе: подул ветер, и фигуру за столбом чуть сдвинуло в сторону так, что она выглянула из своего укрытия.

Серый матерчатый мешок вместо лица. Без рисунка. Он либо выплел от времени, либо создатель пугала посчитал, что вороны к нему присматриваться не будут. Пустые рукава лупили воздух, словно сиюсь дотянуться до стоящего рядом велосипеда.

Георгий был абсолютно уверен в том, что вчера этого пугала там не было.

Он быстро свернул спальник в рюкзак и поспешил вниз. Мог ли он вчера вечером умудриться проглядеть его, паркуя велосипед так близко? Кроме того, его преследовало чувство, что где-то он его вчера все-таки видел.

Выйдя на улицу, Георгий наскоро осмотрел находку. Полуистлевшая одежда на простом, сколоченном из двух палок кресте, вбитом в землю. Не было никаких сомнений, что чучело тут стояло давно, периодически шатаясь то в одну, то в другую сторону: почва по краям была слегка раздвинута от этих шатаний, но дикий хмель уже успел частично обвить палку, словно сиюсь удержать ее на месте. Выдернув чучело из земли и забросив поглубже в сирень, Георгий сверился с наручными часами - они показывали без десяти пять. До поезда, отправлявшегося ровно в 12, отсюда надо было ехать не менее двух часов, а значит, на осмотр дома и деревни оставалось часа четыре - более чем достаточно. Убедившись, что больше чучел в округе нет, Георгий взялся за дело.

Во дворе «своего» дома в ходе беглого осмотра Георгий обнаружил небольшой деревянный навес с разнообразными ржавыми металлическими деталями от трактора и какой-то неопределяемый металлический мусор. Найдя небольшую погнутую фомку, Георгий вернулся на второй этаж дома и подошел к запертой двери в спальне. Замер. Прислушался. Кажется, за ней раздался какой-то шорох. Вогнав прямую часть фомки в небольшую щель между полом и дверью, Георгий поднажал и с громким хрустом снял ее с петель вместе с засовом.

Упав на дощатый пол, дверь, полежав с секунду, с чудовищным грохотом провалилась вниз - в темноту, подняв вверх огромное облако пыли. Дом зашатался, но, прежде чем Георгий успел пожалеть о своем любопытстве, замер, будто передумав в последний момент. И только тогда Георгий, уже успевший проклясть себя за неосторожность, снова вздохнул.

Открывшееся помещение было еще одной небольшой, лишенной окон комнатой. Она была значительно меньше хозяйской спальни, однако тоже, без сомнения, исполняла эту функцию. По углам располагались три полуистлевшие кровати небольшого размера - детская, догадался Георгий. Прямо на месте, куда упала дверь, образовалась большая дыра. Ее края осыпались пылью. Дерево истлело, и это было очень плохо, потому что шанса отличить хорошую доску от такой - трухлявой - практически не было, и Георгию очень повезло, что он до сих пор сквозь них не провалился. Свет от фонарика опускался все ниже и ниже и наконец замер,

наткнувшись на до боли знакомый предмет - человеческий позвоночник. Ожидания Георгия оправдались в одном: первый этаж дома действительно служил подвалом. Он был огромным. Кирпичные стены поднимались на пять метров от земляного пола. Кругом лежали кости: иногда скелеты, но в основном осколки костей.

Я не заметил черепов, кажется, их там и не было. Сперва я понадеялся, что это кости животных, но несколько совершенно целых, за исключением голов, скелетов убедили меня в обратном. Мне надо было убираться оттуда как можно скорее, возможно, найти ту женщину из поезда и заявить о находке. Тем не менее даже тогда я не ощущал опасности. Не ощущал ее до конца.

Попытившись, Георгий решил, что на этом его приключение следует как можно быстрее закончить. В памяти всплыло пропущенное мимо ушей предупреждение старухи из поезда. «Никто не уезжал» - ну как тут уедешь. Наскоро запихав фонарик обратно в рюкзак, Георгий, насколько позволял шаткий пол, быстро пошел на улицу. Проходя мимо окна, молодой человек зацепился взглядом за что-то, чего там быть не могло: у остатков ворот теперь стояло два пугала на деревянных крестах, одно - там же, где было с утра, за столбом, у сирени, а второе - чуть левее, у самых ворот. Они мерно покачивали рукавами своих наполовину истлевших курток под порывами ветра.

Не веря своим глазам, Георгий подошел ближе к окну, и в этот момент обе головы-мешка дернулись и посмотрели на него несуществующими глазами. Отпрянув, молодой человек споткнулся о свои собственные ноги и упал, сильно ударившись головой.

Я не знаю, почему они позволили мне очнуться. Возможно, ждали собратьев или боялись самого дома. Понимаю, как это выглядит со стороны, но я клянусь, что не употреблял ни алкоголя, ни наркотиков. Эти чертovy пугала - они живые.

Георгий очнулся под вечер. Все тело одеревенело, но он все равно заставил себя встать и, преодолевая подступающую к горлу тошноту, снова посмотрел в окно. У остатков забора стояло три чучела, одно из них, словно осмелев, стояло чуть ближе - на границе участка. Старые, нелепые куклы, созданные для отпугивания птиц, больше не казались ни нелепыми, ни старыми. Их глаза, если бы они были нарисованы, следили за Георгием, и теперь уже не было сомнений в том, что они могут видеть.

Неимоверным усилием воли Георгий заставил себя спуститься к двери, чтобы снова запечатить ее своей веревкой. Когда он вернулся к окну, пугал стало в несколько раз больше: каждое наряжено по-своему. Одежда, висевшая на жердях, изображавших тело, была разных размеров, цветов и фасонов. От современной до старой, почти истлевшей. Каждый порыв ветра заставлял их одежду трепыхаться и издавать шум, похожий на хлопки спущенных парусов.

Часы на руке молодого человека показывали десять вечера - к этому времени он уже должен был вернуться домой. В комнате не было ничего, чем можно было бы забаррикадировать окна, не считая зимней рамы, которую Георгий поспешил вернуть на законное место. Всякий раз, когда он отвлекался от окна, пугал становилось все больше, а те, что были раньше, становились все ближе. Однако, когда молодой человек смотрел на них, они не шевелились, продолжая изображать часть пейзажа.

Когда уйдет последний свет солнца, фонарик быстро разрядится, и как тогда они себя поведут? Достаточно ли будет просто смотреть в темноту? Они не двигаются, когда смотришь или когда видишь? От этих вопросов Георгий нервно захихикал, жалея о том, что не рискнул взять велосипед и дать деру, когда чучел было меньше и их еще можно было держать все в

поле зрения; сейчас же они полукругом столпились вдоль остатков забора, молчаливо ожидая, когда настанет их час. И вскоре этот час настал.

Закат скрылся с небосклона, и с востока на небо напозала глубокая тень. Город с его бесконечными фонарями был далеко, и темнота была непроглядна. Густые облака скрывали луну, и, когда Георгий уже не видел ничего, кроме темноты, отовсюду, словно со всех сторон, послышался шелест и хлопки от развевающейся на ветру разномастной старой одежды. Георгий не знал молитв, но, когда заскрежетала входная дверь, он попытался молиться, а затем принялся за написание своей предсмертной записки.

Когда солнце зашло, я какое-то время светил на них из окна фонариком. Иногда мне казалось, что под их одеждами что-то шевелится, но сказать, что конкретно, я не могу. К сожалению, спустя полчаса батарейки окончательно сели. Я остался один, в темноте, не зная, чего ожидать. Это хуже всего.

Когда наступит утро, я попытаюсь прорваться к велосипеду. Не знаю, какое сопротивление они могут мне оказать. Надеюсь, никогда не узнаю. Марина, прости за все. Я люблю тебя.

Наступило утро. За окном было пусто. Георгий выскочил во двор и бросился к своему велосипеду, не замечая, что куст сирени, куда он прошлым утром бросил то самое - первое пугало, казался темнее, чем должен был быть.

Существо набросилось на него прежде, чем он успел среагировать или даже понять, что происходит. Тонкое, черное тело с хвостом вместо ног и с длинными сильными руками мгновенно обвило хвостом его шею, руками натягивая на лицо кусок мешковины и с легкостью отделяя голову от остального туловища. В отростке, заменяющем существу голову, открылась воронка, усеянная множеством мелких зубов, и оно жадно впилося в разорванную шею, издав голодное, напоминающее металлический скрежет урчание, а вдалеке ему в ответ заурчало множество других, таких же существ, прятавшихся под одеждами пугал. Для них это было очередной победой - ведь совсем скоро из оторванной головы, обернутой в мешок и нанизанной на новый деревянный крест, родится их собрат, одетый в туристическую куртку камуфляжного цвета.

Медвежонок с человеческими зубами

- Я хочу этого мишку! - надрывалась девочка лет пяти, тыкая пухлым пальцем в яркую магазинную витрину. Сквозь пыльное стекло прямо на нее смотрел уродливый плюшевый медведь цвета пожухлой листвы.

Солнце клонилось к закату, на улицах загорались фонари. Длинные тени окутывали город.

Мать устало тянула ребенка за руку мимо витрины, не обращая внимания на ее крики. В конце концов она была лишь капризным ребенком. Это пройдет, если не потакать этим капризам.

- ХОЧУ ЭТОГО МИШКУ! - еще раз крикнула девочка и с силой ударила каблуком о мостовую, больно дернув мать за руку.

- Не раньше твоего дня рождения. - Женщина тоскливо взглянула на ценник, пристегнутый к уху игрушки. Всего 50 центов?..

Игрушка не выглядела старой и теперь в свете фонаря казалась даже милой. Почему бы и нет? Она неплохо будет смотреться на диване, а что касается потакания капризам - не так уж это и важно. Особенно сегодня.

Этим вечером девочка легла спать с новой игрушкой.

- А когда придет папа?

- Позже. Спи.

Прикрыв дверь в детскую, женщина пошла на кухню, туда, где на самой верхней полке ее ждал старый и верный товарищ - бутылка красного сухого вина.

Первый бокал был выпит залпом. «Плевать, что муж ушел. Я воспитаю ее сама. Никто мне не нужен».

Второй бокал был опрокинут гораздо медленнее, так что даже можно было распробовать вкус. Мягкое пряное тепло нежно растекалось по телу, смывая тоску...

Визг дочери заставил женщину вскочить.

- Он меня укусил!

Дверь детской распахнулась, и девочка с визгом побежала к матери, держась за левую руку.

- Что за шутки?! - Вид живого и здорового ребенка успокоил панику, но пробудил гнев. - Это всего лишь плохой сон. Иди спать.

- Но, мама, он правда меня укусил. - Она не капризничала. Что-то в голосе дочери заставило женщину напрячься. Ее дочь и правда казалась испуганной.

- Ладно, давай посмотрим вместе.

Темнота детской комнаты казалась объемной. На кровати, в дальнем углу, у подушки сидел плюшевый мишка с непропорционально большой головой. Черные пластиковые глаза мерцали в свете открытой двери.

- У него есть зубы... - едва слышно пролепетала девочка, с силой стискивая руку матери. - Смотри...

Игрушка, как ей и положено, не шевелилась, но смутное беспокойство не желало отступать. Злясь на саму себя, женщина включила верхний свет и взяла медведя на руки.

Как странно, его голова показалась ей тяжелой. Слишком тяжелой для плюша и синтепона. Под курносый плюшевый нос, там, где по природе полагалось быть зубам, действительно было что-то твердое. Щелк! Голова мишки дернулась. Челюсти! В ужасе женщина отбросила мишку в угол, и он со стуком сполз на пол.

Щелк! Его голова дернулась, словно он старался вцепиться во что-то.

Щелк-щелк! С каждым новым щелчком медвежонок подпрыгивал на месте, пока наконец не затих в ворохе поднятой им желтоватой пыли.

Искусственный мех с декоративной прошивкой, изображающей рот, лопнул, обнажив острые белые зубы, которые все еще медленно ходили вверх-вниз, словно пережевывая что-то: кукла Барби, которой не посчастливилось лежать в том же углу, лишилась головы. Пластик мелким крошечкам разлетелся по полу.

Полиция не смогла обнаружить магазин, в котором была куплена эта игрушка. Девочке повезло. Скрытый внутри медвежонок механизм реагировал на нажатие и, без сомнения, мог ее сильно поранить, обними она медвежонок немного сильнее и если бы мать не забрала его прежде, чем самовзводные пружины набрали полную силу. Сегодня она уже взрослая. Но все ее подруги знают, что она бежит из комнаты, стоит ей увидеть там плюшевую игрушку. Кто знает, вдруг в ней тоже окажутся белые, острые как бритва человеческие зубы.

Дом закрытых дверей

Билли проснулся от острой боли в плече и из-за криков дерущихся в подворотне котов. Тонкие стены не могли сдержать настолько громкий шум, и Билли, устало открыв глаза, уставился в серый потолок своей наполовину пустой комнаты.

Он переехал в начале февраля - чуть больше месяца назад. Не из-за работы. Хотя всем он говорил ровно обратное - на самом деле переехал он как раз для того, чтобы не работать - по крайней мере пока. «Пока не встану на ноги», - не уставал повторять он сам себе, ворочаясь в очередном приступе бессонницы. К сожалению, срок этим амбициозным планам он не поставил, что и предопределило покупку нищего дома в самом дешевом городе самого бедного штата самой богатой страны.

Судя по звукам, доносившимся с улицы, один из котов (наверняка тот самый большой - рыжий, подумал Билл) занял стратегическую оборону на металлической крышке мусорного бака, отгоняя каждого, кто рисковал приблизиться к нему, мощными ударами лап. К сожалению, как и у многих людей, большая сила этого толстого пушистого крысолова сочеталась с почти отсутствующей по меркам котов координацией. Поэтому он то и дело промахивался мимо соперников, попадая по самой крышке, из-за чего создавалось впечатление, что кот не дерется, а играет на тарелках в составе какой-то безумной кошачьей рок-группы.

Решив, что с концертом пора заканчивать, Билли поднялся и направился к холодильнику, одну из полок которого он специально выделил под запасы кошачьего корма. Вставая, он оперся на левую руку и скривился от боли. Именно из-за травмы руки он очутился здесь. И, возможно, из-за нее же он останется здесь навсегда.

Билли потерял работу больше года назад. Сразу по окончании школы он работал в фирме отца, переключая бумажки и общаясь с небольшими клиентами. К сожалению, вскоре после того, как его дела стали налаживаться, отец умер. Тогда выяснилось, что большая часть заказов, принимаемых отцом на перевозку грузов, выполнялась им лично.

У Билли попросту не осталось иного выбора. Получив нужную категорию прав для вождения грузового транспорта через знакомого, без практики, он сам сел за руль и уже на втором рейсе попал в аварию. Непонятно откуда взявшийся «Бьюик», удар по тормозам, падение с моста и смятая в лепешку левая сторона тела, зажатая между сиденьем и дверью. Ноге повезло, но вот пользоваться левой рукой Билли больше нормально не мог, как и водить машину - отчасти из-за боли, но в основном из-за страха, который начал испытывать всякий раз, когда садился за руль. Спустя год мучительной реабилитации и еще год попыток спасти фирму Билли объявил себя банкротом и распродал все активы.

Вынеся корм в трех больших мисках на улицу и отогнав не желавших прекращать свои разборки котов, Билл потрепал за ухом рыжего победителя, благосклонно принявшего ласку, после чего вернулся в дом. На обратном пути к кровати взгляд молодого человека упал на пыльное зеркало, стоявшее у входа в спальню. В нем отражался высокий черноволосый мужчина лет тридцати: худой и бледный, с длинным, тянущимся через всю руку бугристым шрамом темно-бурого цвета. Искореженная рука, казалось, вовсе не принадлежала телу. Лишний, корявый, бесполезный отросток, приносящий больше вреда, чем пользы. Лучше бы она так и осталась зажатой в грудке металла. Спать расхотелось, и мысли Билли вернулись к тем трем тысячам, что еще лежали у него на счету. Найти хоть какую-то работу или оформить пособие по безработице - вот чем стоит заняться в первую очередь.

Городок, в котором в эту ночь так и не смог заснуть Билл, на картах назывался Золотым. Мистер Ходжес - человек, с которым Билли никогда не встречался, но о котором постоянно трепались соседи, - как-то раз говорил, что город назвали так в честь ежегодного «Золотого»

фестиваля, посвященного уборке урожая, когда вся городская площадь - тогда еще перекресток между четырьмя крупнейшими фермерскими владениями - была завалена огромными снопами сена и кукурузными початками, готовыми к продаже или столу.

Теперь от всего этого великолепия осталась лишь пара лавок с «местными» продуктами. Они мало чем отличались от того, что продавалось в ближайшем севен-элеване возле пожарной станции. Однако, по заявлению продавщицы, вся разница в цене отправлялась на поддержку местного городского сообщества. «Не забудьте: в пятницу утром, восьмого числа, собирается городской совет у дома мистера Ходжеса», - с улыбкой произнесла она, когда Билли из любопытства купил у нее пакет яблок.

- Но я же не местный... - возразил было Билл.

- Значит, пора им становиться! - резонно возразила хозяйка. - Разве не ради этого вы к нам приехали?

- И не поспоришь. - Улыбнулся Билли. - От вас ничего не ускользнет, миссис?

- Хадсон. Но лучше просто Рут. - Продавщица улыбнулась в ответ.

Билли не был против посетить собрание - по крайней мере сперва. Дополнительные знакомства не помешают, а там - кто знает, быть может, и работа какая-нибудь подвернется. Время шло, не останавливаясь, а банковский счет истощался. Спустя месяц поисков Билли понял, что офисной работы в этом городе нет от слова совсем, поэтому в качестве последней меры отправился в местный полицейский участок. Кажется, при въезде ему на глаза среди прочих попадалось объявление о том, что они ищут внештатных сотрудников.

- Ну что тут сказать. - Добродушно вздохнул полный пожилой мужчина по фамилии Андерсон. Над обычным полицейским значком, торчащим из его нагрудного кармана, красовалась старомодная звездочка шерифа.

- Рук у нас и правда не хватает, и если тебя устраивает оплата, то вперед, не буду мешать тебе просирать свою жизнь.

Возможность испортить жизнь честным трудом показалась Билли слегка надуманной, как и в целом все, о чем он успел поговорить с этим человеком, но возражать новому начальству ему не хотелось, и в ответ он лишь улыбнулся. Большая рука предательски отозвалась болью, когда он встал, чтобы пожать шерифу руку в знак заключенного договора.

- Не переживайте. Сильнее уже не испортить.

- Совершенству не бывает предела, - возразил шериф, откинувшись обратно в своем кожаном кресле. Мелькнувшие было желтые зубы из-под белых усов исчезли, и он снова нахмурился, словно забыв, о чем говорил секунду назад. - Но, как я и сказал, рук нам действительно не хватает. Не все тут такие, как ты - законопослушные...

При этих словах очки шерифа сверкнули, отразив свет висящей у него над головой лампы.

- В последнее время незаконные захваты домов происходят куда чаще, чем легальное заселение. Бродяги со всех чертовых штатов сбиваются в стаи и едут напрямик к нам, надеясь ухватить кусок пожирнее, ничего не отдавая взамен. Чертово поколение попрошаек.

По тону сказанного Билли предположил, что шерифу отчаянно хотелось сплюнуть прямо на деревянный пол, но каким-то образом он удержался.

- Так что, говоришь, есть лицензия на оружие?

- Нет, сэр.

- Это хорошо. - Шериф кивнул, словно утвердившись в собственных предположениях. - Городок у нас тихий. Я бы даже сказал, скучный. И нам хочется, чтобы он таким остался. В общем, если с законом у тебя все в порядке и ты не в розыске, - приступить сможешь в среду. Задача ночного патрульного тебе в целом понятна?

- Ходить по городу. - Кивнул Билли. - Смотреть, чтобы везде было тихо. Проверять, заперты ли двери в свободных домах и нет ли разбитых окон. Чуть что не так - звонить вам.

- Вот именно. - Шериф удовлетворенно кивнул. - Бумажка, которую я тебе выпишу, даст тебе право прогонять чертовых бродяг с частной собственности, но не сделает тебя полицейским. Вся суть в том, чтобы освободить настоящих полицейских для настоящей работы. Надеюсь, мы друг друга поняли.

- Конечно. Понял вас, сэр.

- Ну вот и славно, парень. - Шериф улыбнулся. - Чеки выписываем каждую неделю по пятницам. И кстати, ты же придешь к дому старины Ходжеса на собрание?

Проверка биографии прошла успешно, и уже следующей ночью, получив от усталого дежурного офицера резиновую дубинку для самообороны (лишь в самом крайнем случае, парень!) и подписанный лично шерифом обходной лист, он вышел на свою первую за последние три года работу.

Дом мистера Ходжеса стал конечной точкой первого ночного обхода Билли, поскольку был возведен в историческом центре города. Именно с него, а не с ратуши, началось массовое строительство, вытеснившее местных фермеров.

Билли подошел к дому номер один в районе трех часов утра и его смена подходила к концу. Огромная нелепая постройка, расположенная на маленьком земельном участке, занимала почти всю его площадь. Уличные фонари обступали его со всех сторон и просвечивали часть окон насквозь, из-за чего казалось, что дом обитаем. Но, приблизившись на расстояние ста шагов (к этому моменту привычка считать шаги стала второй натурой Билли), он понял, что первое его впечатление было ошибочным.

Дом мистера Ходжеса был слегка скошен с одной стороны и почти полностью завален набок с другой. Все его левое крыло когда-то снесли, проложив на освобожденном пространстве дорогу. Прямо по границе, словно желая показать свое наплевательское отношение к такому решению властей, мистер Ходжес возвел новую стену, собрав ее из грубо порезанных кусков дерева. Каково было находиться внутри и слушать, как мимо, всего в паре десятков дюймов, на полной скорости несутся машины, Билли даже представлять себе не хотел.

Впоследствии мистер Ходжес изуродовал дом еще сильнее, видимо, стараясь компенсировать потерю жилплощади. Внешний вид дома его волновал мало, поэтому сделал он это криво-косо, словом, как мог. Таким образом, вскоре к дому присоединилось несколько комнат-коробок на втором этаже, поддерживаемых пятью вбитыми в землю деревянными столбами. А на первом этаже уродливыми наростами выступили еще два дополнительных помещения. Между ними каким-то невероятным образом поместился старый электрический столб с обрезанными проводами.

Пораженно глядя на этот удивительный дом, Билли на секунду пожалел, что уже не сможет пообщаться с архитектором. Мистер Ходжес умер за два с небольшим месяца до переезда Билли. Таким образом, он стал не только самым старым человеком штата, но и первым человеком, умершим в Золотом городе за последние десять лет. По крайней мере, так говорил шериф Андерсон.

Входная дверь цвета пожухлого салата перекосилась от времени. Когда Билли зашел на крыльцо, доски под его весом протестующе закрипели. Большая медная ручка, отполированная тысячами прикосновений, успела покрыться новым слоем патины. И все же Билли рискнул ее повернуть и слегка потянуть на себя, чтобы убедиться, что дверь заперта. Дверь закрипела. Крыльцо слегка затряслось. В основании дома послышался громкий угрожающий скрип, а из щелей в потолке прямо на голову Билли упало сразу несколько больших пауков. Пустые окна

мертвого дома угрюмо следили за тем, как незваный гость неуклюже отскакивает от двери, ругается и суетливо отряхивается.

Даже не заходя внутрь, Билли чувствовал сладковатый запах гниения, исходящий от этих старых, плохо окрашенных досок. И, по правде, он сомневался, что даже самый отчаянный бродяга будет готов рискнуть провести в такой развалюхе даже самую холодную ночь.

И в этом сарае они хотят провести городское собрание?

Обойдя дом по кругу и убедившись, что все окна целы, Билли согнал большого рыжего кота с двустворчатой двери, ведущей в подвал, и попробовал ее приподнять. Дом отозвался еще одним недовольным скрипом, тем не менее и эта дверь не поддавалась, и Билли решил, что можно на этом закончить осмотр. Старое жилище мистера Ходжеса вызывало неприятное чувство. Как будто сидишь в одной комнате с мертвецом. Поэтому Билли твердо решил, что в следующий раз придет сюда только ради городского собрания. В конце концов, в городе есть дома, куда более достойные того, чтобы за ними присматривали.

В пятницу, получив недельный чек за свою странную и, на первый взгляд, бесполезную работу, Билли собирался идти домой спать, когда мисс Зги, пришедшая на утреннюю уборку, напомнила ему о собрании.

- Дом номер один, молодой человек, наверняка уже все собрались! - сказала она, ради пущей убедительности тряхнув пустым металлическим ведром, только что вынутым из кладовки.

- А вы не пойдете? - спросил ее Билли, старательно скрывая зевоту.

- Нет-нет, что ты, это дело для вас - молодых! - засмеялась мисс Зги.

Заинтригованный, Билли поблагодарил женщину и направился к выходу. К счастью, где именно находится дом мистера Ходжеса, он уже хорошо запомнил.

Билли почти сразу увидел небольшую толпу, собравшуюся у входа в дом номер один. Подойдя поближе, он разглядел, что среди собравшихся были все его знакомые: шериф Андерсон и миссис Рут Хадсон - хозяйка овощной лавки. Также присутствовало несколько незнакомых Билли женщин, почтальон и еще пять или шесть человек, с которыми он здоровался при встрече на улице, но чьих имен еще не запомнил.

Слово держал начальник городской управы. Его звали мистер Хотч - высокий чернокожий мужчина с усами под стать тем, что носил мистер Андерсон, но куда менее аккуратно подстриженными. По слухам, именно из-за этих усов он недавно развелся с женой.

- Нельзя, говорю вам, его сносить.

- Да как же нельзя! - тут же перебил его шериф Андерсон. - Хозяина нет. Наследников нет. Одни только паршивые воспоминания!

Толпа одобрительно загудела, но мистер Хотч был непреклонен.

- Закон о частной собственности не имеет других трактовок. И пока штат не забросит попытки найти наследников, дом остается.

На сей раз толпа загудела, выражая всеобщее недовольство, но мистер Хотч не заметил и этого.

- Друзья, я понимаю ваше беспокойство насчет безопасности этой конструкции. Мистер Ходжес был весьма... эксцентричным человеком. Важным для всех нас. Но теперь, когда он умер, а его работа закончена, у нас нет иного выбора, кроме как ждать разрешения штата.

- Как будто бы штат тут что-то когда-то решал, - раздалось из толпы.

- Боюсь, что несанкционированный снос выйдет нам всем боком. Увы. - Театрально взмахнув руками, мистер Хотч сошел со ступенек крыльца, словно давая слово следующему оратору, но внезапно остановился. - Однако, конечно, мы можем избавиться от этой уродливой постройки, если с ней произойдет нечто, представляющее опасность для города.

- Это что, например? - раздалось из толпы.

- Например, пожар. Помнится, наш городской священник перед своим отъездом говорил, что неплохо бы сжечь это проклятое место, прежде чем оно отвернет еще больше людей от Бога. - Мистер Хотч пожал плечами. - А теперь прошу меня извинить, я сказал, что хотел сказать.

С этими словами он покинул толпу и направился куда-то по своим делам, не оглядываясь.

Мрачно осмотрев собравшихся, его примеру последовал и шериф, однако остальные остались, явно ожидая, пока городские чиновники перестанут их слышать.

- Ну что, когда будем поджигать? - буднично поинтересовалась миссис Рут.

Вечер подкрался незаметно. Приняв очередную дубинку (на сей раз с оторванным ремешком) из рук дежурного офицера и попрощавшись с мисс Зги, Билли вышел на улицу, подобрал три лопаты и лом (без машины пришлось тащить их на плече, придерживая единственной здоровой рукой) и отправился к месту будущего преступления. Впрочем, кажется, никто, кроме него самого, об этом не волновался. Шериф взял себе официальный отгул. Что касается мистера Хотча - второго человека в городе, - его и раньше особо не было видно.

Увы, надежды Билли на то, что проблема поджога дома решится как-то сама собой, не оправдались - ни полиции, ни сотрудников администрации, ни активистов, требующих оставить местную достопримечательность в покое, у дома не было. Лишь полтора десятка уже известных Билли людей, припарковавшихся вокруг на своих пикапах. Кто-то курил, кто-то болтал с соседями. Рут - ее Билли узнал издали по отвратительному ярко-красному шерстяному платку, который она носила, - размечала краской, где именно пройдет противопожарная траншея, а Вест руководил перекрытием примыкавшей к дому дороги.

- А вот и лопаты! - радостно крикнула Рут, первая заметившая Билли. - Поможешь нам копать? Я уже разметила заднюю сторону участка.

Утвердительно кивнув и оставив две лопаты на попечение этой беспокойной женщины, Билли взял оставшийся инструмент и отправился в указанное место, гадая, заплатят ли ему за такое дежурство.

Когда траншея была готова, начальник бензоколонки - Сэм, человек, подозрительно напоминающий шерифа Андерсона как комплекцией, так и усами, - раскрыл багажник своей машины, в котором строгими рядами, в две шеренги, стояла дюжина пузатых пластиковых канистр с бензином.

- Ну что, представление начинается. - Вест мрачно вздохнул. - Вот уж не думал, что на моем веку этот дом наконец-то исчезнет.

- Все к лучшему, - прощепетала Рут. - Мы все знали этот дом. Как с лучшей, так и с худшей стороны... Так что давайте, ребятки, берите по две и вперед, кто самый смелый.

- Я думаю, новенький должен пойти, - мрачно заметил Сэм.

- Совершенно с тобой согласен. - Вест хмыкнул. - Да ты не трясись, парень, я буду с тобой, да и остальные тоже. Вместе вошли - вместе и выйдем.

С этими словами он стащил первую канистру с пикапа и, крикнув от натуги, подхватил ее прежде, чем она ударилась об асфальт.

- Осторожнее надо, - буркнул Сэм. - Мне их еще продавать.

После чего он без особого труда поднял сразу две и первым отправился к дому. Не зная, что возразить, и проклиная себя за робость, Билли последовал их примеру.

Входную дверь пришлось отжимать принесенным Билли вместе с лопатами ломом. Яростно скрипнули старые петли, и на мужчин, едва устоявших на ногах после рывка, пахнуло влагой и плесенью. «Так, должно быть, пахнут могилы», - подумал Билли.

Вход с крыльца вел сразу в небольшую гостиную. До всех перестроек, которые учинил с домом почивший хозяин, это двухэтажное здание было построено в колониальных традициях - как и большинство местных домов. Однако из-за многочисленных дополнительных комнат гостиная превратилась в коридор и служила складом для многочисленной старой одежды.

- Мистер Ходжес страдал собирательством? - поинтересовался Билли у Веста, как раз появившегося в дверном проеме.

- А, так это так называется? - слегка шепеляво ответил тот. Заядлый курильщик, даже в присутствии шести десятков галлонов бензина, не вынимал сигарету изо рта - к счастью, оставив ее незажженной. - Он просто тащил к себе все то, от чего мы десятилетиями старались избавиться.

С отвращением поддев носком кроссовка старую женскую туфлю, он отбросил ее в сторону и поднял фонарик повыше.

- Держу пари, где-то в этом бардаке до сих пор лежит моя школьная бейсболка. Если, конечно, ее не сожрали крысы.

Несколько мрачных теней и правда промелькнули в глубине дома, избегая света фонарика.

- Не толпимся, джентльмены! - донеслось с улицы.

Мужчины с канистрами, сопя и ругаясь, принялись заносить горячее внутрь.

Чем глубже в дом проходил Билли, тем явственнее ощущалась вся хлипкость этой конструкции. Пол шатался вверх-вниз так сильно, что напоминал ярмарочный батут. Похоже, балки, удерживающие дом над грунтом, частично прогнили, и теперь большая часть пола висела в воздухе.

В конце гостиной, у противоположной стены, находилась лестница, ведущая на второй этаж, под которой находилась еще одна дверь - скорее всего, в подвал.

- Вот... - пробормотал Вест. - Здесь он и умер, старина Ходжес. Говорят, у него случился инфаркт, но он все равно ломился в подвал. Даже ручка сломалась.

В свете фонарика на деревянном полу, плотно покрытом мусором, отчетливо виднелось темное пятно прямо у двери под лестницей. Думать о том, как именно оно образовалось, Билли себе не позволил.

- Разливать нужно сверху, - тем временем распоряжался Сэм, всем своим видом давая понять, что знает, как обращаться с горячим. - Лейте по углам на мусор и мебель - пусть впитывается. А окна раскройте, нам нужен огонь, а не взрыв.

В дальней комнате, служившей чем-то вроде посудного склада, раздался звон разбивающегося стекла и чьи-то чертыхания.

- Эй, осторожнее там! - крикнул Вест. - Нам только травм не хватало. Так, ты, молодой, - обратился он к Билли, - давай наверх, пока я проверю, что там случилось.

Билли кивнул. Исполняя поручения, он всегда ощущал себя чуть глупее обычного. Словно какая-то часть его мозга погружалась в дрему, убаюканная чужой ответственностью. Внутри дома собралось уже больше десятка человек. Кто-то дергал дверь подвала, не обращая внимания на то, как сильно шатается дом. Сделав первый шаг вверх по лестнице, Билли почувствовал, как доски под его ногой прогибаются, сопровождая это чудовищно громким скрипом. Второй шаг сопровождал уже не скрип, а треск. В этот момент Билли подумал, что сглупил в этот раз сильнее обычного. Даже больше, чем когда сел за руль грузовика, понятия не имея, как правильно им управлять. Доска четвертой ступени не удержалась и съехала в сторону. На долю секунды уперлась в опорную балку и с громким треском выбила ее из-под лестницы, обваливаясь вниз вместе с ногой Билли. От неожиданности он вцепился в перила, но и они уже обваливались вместе со всей лестницей целиком. Во время падения Билли зажмурился - как и в тот раз, когда после слишком резкого удара по тормозам грузовик сорвался с дороги.

Но теперь вокруг Билли не было подушек безопасности и прочной кабины. Только обломки дерева и пустота.

Билли лежал на животе, скрючившись в позе младенца, подобрал под себя ноги и прикрыв голову руками. Мышцы свело так сильно, что, казалось, они вот-вот разорвутся, как перетянутые струны. До него не доносилось ни единого звука, поэтому первое, что он сделал, когда наконец смог расцепить руки, - ощупал голову. Удивительно, но, кажется, все было целым.

- Эй, есть кто живой? - попытался прокричать Билли, но вместо этого только закашлялся. Горло саднило. Будто он провел тут несколько дней. Безумно хотелось пить. Кругом стояла крошечная тьма.

Потолок устоял, или провал завалило обломками - в любом случае света не было совершенно. Встав на колени, Билли пошарил вокруг в поисках своего фонарика, но ничего не нашел: до падения он точно был у него в руках, но теперь - кто знает. В кармане брюк должна была быть зажигалка, которую Билли носил на случай, если кто-то попросит прикурить, но, когда рука привычно опустилась к бедру, все, что ему удалось нащупать, было лишь его собственной голой кожей. Каким-то невероятным образом он оказался в подвале совершенно голым.

«Одежду сорвало обломками», - подумал Билли. Эта мысль казалась абсурдной, и все же вот он - ощупывает голый живот, грудь, ноги - без единого клочка одежды. Поняв, что без света все равно ничего не понять, Билли начал шарить по полу, в отчаянии пытаясь найти хоть что-нибудь. Пять минут поисков, десять - руки Билли дрожали все ощутимее, а в голове тем временем бились мысли о долгой и мучительной смерти во тьме. Но тут под руку вместо очередного обломка дерева попало что-то металлическое, и Билли схватил находку так крепко, будто она могла от него убежать. Ему повезло - это был его карманный фонарик.

Яркий луч света на миг ослепил Билли, залив помещение белым искусственным светом. Он стоял на коленях у огромной горы строительного мусора, тянувшейся на добрых двенадцать футов вверх - до самого потолка. Под ногами - большое влажное пятно и стеклянная крошка. Похоже, обрушение разбило какое-то оборудование, но из-за завала понять, какое, было совершенно невозможно.

Удивительно, что сам Билли оказался не под завалом, а в стороне от него. О том, какой силой его отбросило в сторону, если он послужил причиной обрушения, Билли постарался не думать, искренне радуясь тому, что все еще дышит.

Если мистер Ходжес и был безумным собирателем хлама, то это его увлечение не коснулось его подвала. Здесь царила пустота, не считая пучков кабелей, протянутых по потолку. Кроме того, либо подвал был построен до дома, либо его рыли в отрыве от конструкции сверху. Потолок был не из дерева, а из натурального камня. Единственной деревянной конструкцией здесь была та самая лестница, едва не похоронившая Билли.

Билли вспомнил, что с обратной стороны дома была еще одна дверь в подвал. Но с какой стороны она была? Его голые ступни шлепали по холодному полу, когда он наугад двинулся к ближайшей стене, чтобы обойти подвал по периметру. Но это оказалось сложнее, чем он мог подумать. Подвал был огромным. Света фонарика едва хватало на то, чтобы видеть на пару футов вперед, и понять, какая из арок, поддерживающих свод, ведет к выходу, было решительно невозможно.

Было холодно, но сам Билли холода не ощущал - напротив, чувствовал себя необычайно хорошо для человека, только что упавшего с такой высоты.

Двигаясь вдоль стены и сделав уже пять шагов в сторону от обвала, Билли понял, что пол здесь неровный и идет под углом куда-то вниз. Девять шагов, двадцать - двадцать пять. Какого же размера этот подвал? Обе стены - по правую и по левую сторону - становились все выше. Неужели мистер Ходжес выкопал все это сам?

Пройдя еще пару десятков шагов, Билли пришел к однозначному выводу, что он уже вышел за пределы дома, а то и участка, и уже должен был зайти под какой-то из соседних домов. Нужно было возвращаться к обвалу и идти в другую сторону, но тут где-то вдалеке он услышал тихий, но отчетливый гул, словно от работающей дизельной электростанции. Не имея лучшего ориентира, Билли двинулся в его сторону.

Потолок становился все выше, а стены словно расступались, образуя высокие своды огромного помещения. Изменился и запах. Вместо сырости, гнили и плесени здесь пахло спиртом и чем-то еще. Чем-то знакомым, но Билли не мог вспомнить, чем именно. Тем временем, спустя еще сорок шагов, Билли увидел первый поворот направо, ведущий на небольшой склад. Вдоль дальней от входа стены стоял ряд больших стеклянных колб, каждая - размером с крупный аквариум. Их было около двух десятков: какие-то целые, какие-то треснувшие. На каждой чьей-то аккуратной рукой были написаны даты, о значении которых можно было только гадать.

«Чем, черт подери, занимался этот парень?» - подумал Билли, когда у стены слева свет его фонаря выхватил металлические носилки на колесиках и аккуратные ряды белых шкафов со стеклянными дверцами, заполненными банками с медицинскими препаратами. Теперь Билли вспомнил, откуда знал этот запах, - формалин. Запах музейных выставок, на которые Билли иногда выезжал во время учебы. Похоже, мистер Ходжес увлекался практической анатомией.

Справа, возле шкафа, забитого запечатанными в бумагу бинтами, свет фонаря отразился от зеркала, и Билли поспешил подойти к нему. Нужно было убедиться, что он действительно пережил свое падение без повреждений.

В зеркале медленно проступил знакомый силуэт. Чтобы не слепить себя собственным фонарем, Билли поднял его над головой, направив луч света себе на макушку.

Отражение в зеркале показалось Билли совершенно незнакомым.

Голый и худой, весь в пыли и грязи. Насколько Билли мог судить, видимых повреждений на теле не было, но пропорции казались чужими, словно зеркало было слегка изогнутым.

Убедившись, что видимых ран на теле нет, Билли пожал плечами и было двинулся дальше, как вдруг замер как вкопанный: он держал фонарь левой рукой. Ни боли, ни шрамов.

Подойдя вплотную к зеркалу, Билли внимательно рассмотрел покрытую толстым слоем пыли, но все равно целую и ровную кожу. Не веря своим глазам, он даже плюнул себе на предплечье и постарался оттереть слой пыли, ожидая, что вот-вот под ней проявятся знакомые очертания шрамов от пяти операций, когда его руку буквально собирали по осколкам, но нет - рука была совершенно здорова.

Не зная, что думать, Билли отошел от зеркала. Возможно, если он найдет выход из подвала, объяснение случившемуся также найдется.

Однако следующий поворот расстроил его планы, поскольку вел не в комнату, а в еще один коридор. Когда Билли осветил его своим фонарем, ему едва удалось удержаться от крика: прямо в стенах, слева и справа, на каменных полках лежали тела.

Дрожа всем телом, Билли медленно подошел к ближайшему из них.

Первое впечатление оказалось обманчивым. Бледное безволосое тело, лежавшее в нише, казалось искусственным. Пропорциями оно напоминало человека, но лицо не имело черт. Вместо рта, носа и ушей - лишь намеки, какие делает скульптор на глине, прежде чем приняться за работу.

Набравшись смелости, Билли протянул руку и прикоснулся к лежащему перед ним предмету, который принял за труп, ожидая почувствовать под пальцами пластик. Но и теперь ожидания обманули его - на ощупь существо было теплым. Более того, оно оказалось живым. Билли с ужасом увидел, как восковое лицо словно размягчилось и стало быстро меняться. Черты заострились, на гладкой, как фарфор, голове с ужасающей скоростью проклюнулись и стали расти волосы, а до ужаса знакомые глаза распахнулись, уставившись прямо на Билли.

В ужасе Билли отпрянул в сторону от своей точной копии, едва удержавшись от крика. В ту же секунду существо начало терять свою форму. Все это время оно не сделало ни единой попытки подняться, тихо лежа на своей полке, словно ожидая, что кто-то найдет ему применение.

Не в силах совладать с ужасом от охватившего его подозрения, Билли выбежал из страшного коридора и побежал, не разбирая дороги, до тех пор, пока не наткнулся на какую-то случайную лестницу. Вокруг было совершенно тихо. За Билли никто не гнался. Но бежал он не от неизвестных преследователей. Он пытался бежать от того, во что уже превратился сам.

Билли выбрался из-под земли, оказавшись в каком-то незнакомом сарае. Сквозь плохо подогнанные друг к другу доски пробивался рассвет. Сколько же времени он провел в этих катакомбах? Ищут ли его еще под завалами? Этого Билли не знал и, по правде сказать, ему это было не важно.

Выйдя из сарая, Билли направился прямо к своему дому, стараясь держаться в тени, чтобы, не дай бог, не попасться на глаза кому-нибудь, кто по какой-то причине решит выглянуть из окна в этот ранний час. Холода он по-прежнему не ощущал. Его новое тело чувствовало себя прекрасно. У самого входа в дом Билли заметил группу знакомых ему котов, удивленных, что в этот раз кормежка подзадержалась. Издали заметив его, животные зашипели и разбежались. Лишь рыжий, как самый смелый из них, остался на своем мусорном баке, всматриваясь в приближающегося Билли огромными зелеными глазами. Шерсть его встала дыбом, он выгнул спину, но бросился наутек, лишь когда Билли попытался погладить его. В гортанном вое, который издал кот, прежде чем убежать, слышался искренний и неподдельный ужас.

Похороны погибшего под завалами Билли были назначены на среду. Благодаря этому страшному несчастному случаю мистер Хотч наконец одобрил официальный демонтаж опасного здания. Снос назначили на следующий месяц. Шериф Андерсон произнес несколько фраз, стараясь звучать мрачно и торжественно, хотя прекрасно знал, что ему не заменить их старого священника, умевшего говорить прекрасные вещи про совершенно незнакомых ему людей. К сожалению, тот не одобрял работу мистера Ходжеса и наотрез отказался посетить его подвал, даже когда здоровье начало его подводить. А ведь прояви он тогда гибкость, мог бы и сейчас вести свои скучные проповеди.

Билли смотрел на процессию издалека. Ему удалось снять остаток денег, прежде чем свидетельство о смерти добралось до банка. Дождавшись, когда люди начнут расходиться, он сбросил черную кепку и очки на переднее сиденье подержанной машины и сел за руль. Рука слегка дрогнула, когда он потянулся за ключами, чтобы завести мотор, но страха Билли больше не чувствовал. Все, что от него осталось, было только воспоминанием. Сняв машину с ручника, он вырулил на центральную магистраль и поехал прочь. Подальше от Золотого города, где был только что похоронен.

Продавец жизни

Зимняя дорога домой - несколько километров грязного снега, холода и злых людей, старающихся разойтись на узкой тропинке. Этой дорогой ходили многие - богатые и бедные, молодые и старые. Она - то, что объединяет их на пути от работы до дома. Она же делает всех этих людей частью единого общества.

Сельская школа - была еще одним таким местом. Расположенная на вершине холма, примерно в сорока метрах от съезда на федеральную трассу. Это было самое крайнее здание во всем селе. А ее восточное крыло - самое отдаленное место от дома, где мог побывать типичный местный житель в возрасте до 13 лет. В то время это была деревня для людей, уставших от суеты города, и тех, кто не мог себе эту суету позволить.

Старая массивная дверь, ведущая в здание местной администрации, вздрогнула и закричала. Кто-то из всех сил толкал ее изнутри, но, подпертая изрядным сугробом снаружи, поддаваться дверь не спешила.

Еще несколько усилий сдвинули дверь сантиметров на десять, пока невидимый для людей с улицы человек не набросился на нее всем своим весом. Тогда дверь распахнулась, и на пороге появилась невысокая худая женщина средних лет, в тяжелом теплом пальто и варежках. Еле удержавшись на ногах, она торопливо закрыла дверь за собой, махнув на прощание рукой одинокой уборщице.

Острый, словно набитый иголками, ветер ожег не прикрытые шерстяным шарфом щеки. Даже после целого рабочего дня в такую погоду домой идти не хотелось. Дома ее никто не ждал. Кроме, конечно же, матери. Но ее внимания Анна (а именно так звали женщину) всеми силами старалась избегать. Такой ее жизнь была последние три года. Память былых времен уже успела поблекнуть, превратившись из яркого фильма в старую фотографию, но она все равно продолжала вспоминать то, с чего все началось.

. . .

- Ты уверен, что тебе стоит и дальше вести машину в таком состоянии? - спросила Анна своего мужа, только что сменившего ее за рулем.

- В каком «таком»?

Это был конец их медового месяца, который они провели в Краснодаре, и теперь они возвращались обратно в Москву. Такого резкого ответа Анна не ждала, но все же мужественно продолжила, стараясь сгладить все возможные углы.

- Ты не спал три дня. Я слышала, как тебя тошнило этим утром, мы же потому и уехали...

- Я в порядке. - Кажется, голос мужчины смягчился и он виновато посмотрел на жену.

- Правда, Ань, я в норме.

- Кроме того, я разложила карты вчера. И мне не нравится то, что я в них увидела...

Как-то странно вздохнув, мужчина сжал слегка подрагивающие руки на руле, и Анна заметила, как на одной из них вздулись вены.

- Нам все равно нужно уже возвращаться. Сейчас, когда твой отец умер, маме, наверное, тяжело...

Анна пожала плечами. Отец был редким гостем в ее детстве, равно как и в жизни ее матери. Работая предсказателем-экстрасенсом, он гастролировал по всему Союзу и поселил свою семью в самой глубокой дыре, какую только смог отыскать. Девушку пробрала дрожь от одной только мысли о том, чтобы ехать туда на поминки.

- Почему бы нам просто не переселить ее поближе к нам... - хотела спросить она, но глубокий судорожный вздох мужа прервал ее на полуслове.

- Что-что? Что случилось, ты как?! - Резко отвлечшись от окна, Анна паническим взглядом отыскивала побледневшее лицо мужа. Руль в его руках мотнуло в сторону, и девушке пришлось перехватить его, чтобы удержать машину на трассе.

- Тормози, хотя бы отпусти газ!

- Я... я не могу...

- Что-что? - Анна с ужасом смотрела на мужа. Заметив это, он попытался ободряюще улыбнуться, но вместо этого половина его лица скривилась, в то время как вторая половина осталась совершенно неподвижной. Правая рука упала с руля. Он начал оседать, съезжая с кресла, застегнутый на животе ремень уперся в судорожно вздымающуюся грудь.

- О господи... - успела прошептать Анна. - Отпусти...

Широко распахнув глаза, мужчина дернулся всем телом, ноги ударили под приборную панель, придавив педали газа и тормоза одновременно к самому полу. Руль вырвался из рук Анны. Машина вошла в занос и, пробив хлипкое внутреннее ограждение трассы, вылетела на встречную полосу. Первые две проезжающие мимо машины смогли миновать опасность, но третьей не повезло. Небольшой, но тяжело груженный фиат с силой ударил в багажник, едва не оторвав его. От этого машину закрутило еще сильнее. Из-под колес повалил дым. Следующая машина, также не успевшая затормозить, ударила в водительскую дверь, сминая водителя и пассажирку.

Анна пришла в себя уже в госпитале. Удивительно, но она почти не пострадала, что касается ее мужа, то, по словам врачей, он умер еще до приезда скорой помощи. Сам по себе инсульт он еще мог пережить, но вот аварию...

Быстро собрав вещи и сдав квартиру в аренду, Анна, забыв о своем прежнем страхе перед долгой поездкой, спешно переехала к матери. Именно там, вдалеке ото всех, она надеялась привести свои мысли в порядок.

В деревне ее быстро приняли на работу секретаршей в администрацию. Погрязнув в рутинной, низкооплачиваемой работе, Анна потеряла ход времени. Вопреки ожиданиям, бремя горя не становилось легче. Размазанное по жизни тонким, почти прозрачным слоем, оно продолжало отравлять жизнь ежечасно. Но человек ко всему привыкает, и вскоре Анна смогла приспособиться к этому горькому привкусу. Впереди лежала только заснеженная дорога и старый, слегка покосившийся деревянный двухэтажный дом, в котором они с матерью жили в отрыве от всего.

Их с матерью дом был очень старым - одним из старейших во всей деревне. Прежде в нем десятилетиями никто не жил, и даже совместных усилий не хватало, чтобы исправить его образ старой развалины. Серые, растрескавшиеся деревянные стены, окна, затянутые толстым, пузырчатым стеклом, окрашивающим весь мир в светло-зеленый оттенок. Казалось, их дом застыл вне времени и был всегда на этом самом месте - древний, незыблемый, но в то же время до смешного ветхий. Потрескивая и похрустывая от каждого дуновения холодного ветра, он приветствовал всех, кто осмеливался пройти мимо.

Первый этаж, наполовину погруженный в землю, долгое время служил погребом, но с появлением в деревне электричества и магазина надобность в нем отпала, и с тех пор туда никто не заходил. Второй же этаж был поделен пополам, на неотапливаемые сени и сравнительно небольшую жилую часть с большой русской печкой в центре обеденной залы с отходящими от нее комнатами разных размеров.

Открыв калитку, Анна заранее приготовилась к лаю. А вот и оно - из-под крыльца. Семен - огромный волкодав, охранявший хлев с животными, признав хозяйку, подал голос, но вылезать из своего укрытия не пожелал.

- Ленивая скотина. - Усмехнулась Анна.

Окно маминой комнаты оставалось темным. Люди, привыкшие к городской жизни, так рано не ложатся, но Анна уже адаптировалась к новому ритму. Часы на ее руке показывали четверть девятого вечера. Заперев за собой дверь, поднявшись на второй этаж и пройдя пустые неотапливаемые сени, Анна сразу же направилась в жилую часть дома. Она обжила небольшую угловую комнату с двумя окнами. Туда же больше двадцати лет назад ее впервые привел отец. У кровати стояли тазик для умывания, мыло на блюдечке, а на покрывале на кровати лежал завернутый в пакет бутерброд с колбасой и чай в термосе. Вода в тазике успела остыть, но чай еще был горячим. Улегшись на кровати, девушка уснула сразу же. Даже мысли о том, что завтра суббота и спрятаться на работе ей не удастся, не помешали ее глубокому сну.

...

Из-за облаков показалась луна. Артем - 12-летний ученик местной школы - распахнул глаза прежде, чем заведенный на полночь будильник успел зазвенеть. Полностью одетый, он уже изрядно вспотел, лежа под одеялом, но энергия в нем буквально бурлила, и он это едва замечал.

- Артем, а ты уверен? - спрашивал его этим утром Саша - школьный приятель. - Это ведь чужой дом.

Взглянув на друга сверху вниз и глубоко вздохнув, словно собираясь с мыслями перед объяснением чего-то ужасно простого, Артем ткнул Сашу пальцем под ребра.

- Если не идешь, то я иду сам, а ты... ты трус!

На самом деле Артем блефовал, хотя и не до конца понимал это. Старый дом приводил его, как и любого другого подростка, в искренний ужас. Однако рассказ старшего брата о том, что когда-то там, в невероятных глубинах подвала, располагался сумасшедший дом, в котором запирали самых опасных маньяков СССР, придал ему достаточно любопытства, чтобы решить, что забраться в этот подвал ему совершенно необходимо. Однако эта решимость строилась в том числе и на том, что он пойдет туда не один.

- Но ведь там люди живут! И даже собака есть... - Привычно заныл Саша. Тем не менее уже с первых слов Артем понял, что это даже не отговорки, просто его младшему другу нужна дополнительная уверенность и, конечно, он планировал сделать все, чтобы она у него появилась.

- Собака меня знает, я давно ее подкармливаю. А хозяйка всегда ложится рано. Я следил за ними последние две недели.

- Следил? Ты в этом уверен? - практически прошептал Саша. - Ты уверен, что ОНА спит?

- Конечно, спит, - нетерпеливо ответил Артем. - Ну или сидит в темноте, ничего не делая. Сам подумай! Старуха не зажигала свет и не выходила три года, не меньше.

Голос Артема звучал убедительно. На секунду он и сам поверил своим непроверенным выводам. Саша же в друге и вовсе не сомневался.

На том и порешили.

...

Как ни странно, несмотря на средние успехи в учебе, Артем числился среди наиболее усердных учеников в классе. Самоотверженно исполняя каждую задачу, поставленную учителем, он допускал сотни ошибок, по несколько раз переписывая один и тот же пример, из-за чего каждая страница его тетради превращалась в настоящую мешанину. Артем не был человеком таланта, он был тем, кто добивается своего ослиным упрямством. С раннего детства он привык ударяться о стены, чтобы однажды пробить их, потому что просто не видел других вариантов развития событий.

К проникновению в подвал он готовился с таким же, если не с большим, усердием. Заранее показав матери выполненное домашнее задание, он потихоньку собрал необходимую одежду у себя в комнате, умыкнул мощный отцовский фонарь из сарая и даже украл немного еды для подкупа знакомой собаки. Также к нему в рюкзак легли спички и небольшая фляжка

со спиртом. Артем понятия не имел, зачем ему спирт. Но его отец всегда носил его с собой в походы - мало ли, придется разводить костер на ветру?

Аккуратно отворив окно, мальчик выбрался наружу в полной темноте, затем аккуратно закрыл его и бесшумно прыгнул в заранее проверенный на наличие опасных веток сугроб. Обратно он вернется через дверь, спрятав снаряжение во дворе - если увидят, скажет, что выходил в туалет. Быстро перебирая ногами по заваленному снегом двору, Артем шмыгнул за калитку и уже через пять минут они вместе с Сашей направились к старому дому. Его было хорошо видно из любой точки деревни. Он стоял на холме, освещаемый лунным светом, и выглядел почти безобидно. Ключевое слово - почти.

Смазанная калитка отворилась бесшумно - ей часто пользовались, однако из-под крыльца тут же раздалось недоброе ворчание.

- Тихо ты, это я, - прошептал Артем, и ворчание прекратилось. Два зеленых, светящихся недобрым огнем глаза смотрели из темноты, пока мальчик доставал из рюкзака сырую индюшачью ногу. Закинув мясо под крыльцо и убедившись, что подношение принято, Артем подтолкнул уже начавшего дрожать от страха Сашу вперед - во двор.

Как и во многих старых домах, вход в погреб располагался отдельно от основного входа, по-видимому, для того, чтобы лишний раз не выпускать тепло. Старая, покосившаяся на петлях дверь располагалась в самом конце двора, возле сарая, и была так сильно завалена снегом, что мальчики не сразу смогли ее отыскать. Тем не менее вскоре свет фонаря отразился от полированной латунной ручки.

- Я же тебе говорил, что знаю, что тут где, - похвалился Артем.

- Ага, - подтвердил Саша. - Давай быстрее, пока хозяева не проснулись.

Замка на двери не было. Поднатужившись, ребята смогли ее отворить. Петли скрипнули, но этот тихий звук не мог перекрыть звуков дома: с каждым порывом ветра он скрипел все громче, словно старый, недовольный больной, не находящий покоя на своем белом больничном ложе.

Легкое облачко пара вырвалось из-за двери. Придерживая дверь, ребята протиснулись в открывшуюся темную щель и принялись аккуратно спускаться по ведущей вниз лестнице, заканчивающейся длинным пустым коридором.

Луч фонаря освещал каменные стены подвала. Слева и справа располагались закрытые деревянные двери.

- Ого... - восхитился Саша. - Все из камня!

- Тихо ты. - Артем напряженно думал. - Как думаешь, похоже это все на эту психушку?

- Еще как! - Вынув из кармана телефон - подарок отца, почти полностью бесполезный в деревне, но все равно вызывающий лютую зависть у одноклассников, - Саша сделал несколько снимков. - Давай зайдем в какую-нибудь?

Первая дверь оказалась запертой на ключ. Следующая за ней тоже. Артем, недовольно закусив губу, толкнул третью, и она наконец открылась, оглушив ребят своим недовольным скрипом. В небольшой комнате расположился склад садового инвентаря. Успевшие прогнать от сырости инструменты висели на стенах и просто лежали на каменном полу, покрываясь плесенью. Помимо грабель и тяпок, также валялось несколько растрепанных метел и упаковка новых черенков на замену.

- Ничего... - разочарованно протянул Саша, но на всякий случай сделал еще одно фото.

- Может, пойдем уже? Тут ничего нет.

Артем не ответил, выйдя обратно в коридор, он толкнул еще несколько запертых дверей, пока не остановился у последней - ей завершался коридор, отчего она казалась главной, хотя выглядела так же, как все остальные. Саше почему-то вдруг стало не по себе.

«Хоть бы тоже была закрыта», - успел подумать он, но Артем толкнул ее, и дверь неожиданно легко открылась, будто ей, как и калиткой, достаточно часто пользовались.

Эта комната отличалась от первой. Каменные стены, покрытые толстым слоем белой штукатурки, казалось, отражали свет фонаря. На стене, прямо напротив двери, висел единственный предмет во всей комнате - высокое ростовое зеркало в тяжелой деревянной раме. Под ним, как в музее, крепилась небольшая металлическая карточка с гравировкой - «терапевтическая зона, вход строго по одному». На начищенной зеркальной поверхности отражались лица ребят - бледные от пыли, с огромными, черными из-за долгого пребывания в темноте глазами.

- Мне страшно, - прошептал Саша, уже не стараясь скрыть это от друга. - Пойдем-ка отсюда.

- Иди, - ответил Артем и, не дожидаясь возражений, зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

В комнате воцарилась тишина, Артем ожидал, что страх, покинувший его на фоне трусливого друга, вот-вот вернется, но вместо этого он ощутил новый неожиданный прилив сил. Еще раз осмотрев совершенно пустую комнату, он подошел к зеркалу вплотную. Оно было чистым, словно его совсем недавно полировали. Пожав плечами, Артем внимательно осмотрел раму и понял, что так испугало Сашу. Рама зеркала была покрыта искусным резным барельефом, изображающим свитые обнаженные тела людей. Вытянутые лица кривились от боли, руки и ноги, выкрученные в немыслимых формах так, словно резчик презирал настоящую анатомию и потому следовал какой-то другой, ведомой только ему.

«Это же ад». Проведя ладонью по барельефу, Артем ощутил отвращение к тому, что увидел. Его отражение, как и положено, повторяло каждое его движение, но как будто все с большим опозданием, и это, наконец, привлекло внимание мальчика. Внимательно посмотрев на самого себя в свете фонарика, он решил, что ему показалось, но с отражением явно было что-то не так. «Неужели я всегда так противно улыбаюсь?» - подумал он, прежде чем понял, что улыбается сейчас только его отражение.

Мальчик в зеркале, теперь уже совершенно не похожий на Артема, и правда широко улыбался. Нет, не так - нагло лыбился. Артем неуверенно ощупал лицо. Тем временем отражение становилось все более безумным. Губы разъехались, обнажая белоснежные, сжатые в страшный оскал зубы. Уголки рта поднялись так высоко, что щеки наехали на глаза. Тени вокруг задрожали - это задрожали руки, державшие отцовский фонарь. Артем крутанул на месте, в поисках двери, но двери позади него уже не было: на каждой стене вокруг него висело по зеркалу, в каждом из которых отражался Артем, с исковерканным улыбкой лицом.

Бешено оглядываясь во все стороны, мальчик уже был готов закричать, когда дверь наконец нашлась. Ее раскрыла хозяйка дома, и Артем изо всех сил побежал к ней. Зеркала и отражения исчезли, а комната словно погасла, когда мальчик снова оказался в коридоре, а дверь за его спиной беззвучно закрылась. Пожилая женщина, завернутая в серый, не по погоде легкий халат, без сомнений, была хозяйкой дома, куда он вломился без спросу, но мальчик был рад ей, как не был рад никому прежде.

- Ты что здесь делаешь? - поинтересовалась женщина.

- Простите... - Артем все еще не пришел в себя, но женщина не кричала, и он рискнул задать вопрос.

- А что это было?

- Ты это о том, что за дверью? - уточнила она. - Это зеркало. Оно не для таких, как ты, оно для тех, у кого кто-то умер.

Артем не понимал. Решившись поднять глаза и посмотреть на хозяйку, он подмечал все новые и новые ужасающие подробности в ее обыденном, слегка растрепанном виде. Ее нос ввалился вглубь лица, глаза сверкали зеленоватым светом, как у дикого животного, отражая

свет его фонарика. В самой позе женщины была какая-то странная неуклюжесть, словно она не стояла, но держалась на ногах, как подвешенная на невидимых нитках марионетка.

- Моя дочь смотрит в это зеркало постоянно, - пояснила женщина и улыбнулась кривой, невеселой улыбкой.

Артем слотнул, не желая слышать ответ на свой следующий вопрос.

- А кто у нее умер?

- Все. - Грустно вздохнула женщина.

...

Анна проснулась, резким движением откинула одеяло и словно автоматически нащупала ногами тапки. Произошло что-то плохое, она ощутила это по тому, как пошатнулся дом.

Быстро накинув шубу прямо поверх ночной рубашки, она бросилась прямо к подвалу. У входа стояла мать.

- Что произошло? - резко спросила девушка. - Кто там?

- Никого. Я отпустила его.

То, как выглядело тело ее мамы, напоминало Анне о том, какими иллюзорными были ее попытки вернуть ее к жизни. И все же они могли общаться, и это уже было немалым для нее достижением.

- Кто это был?

- Не важно. Но он посмотрел, - грустно ответила покойница. Ее руки безвольно висели вдоль тела. Живыми остались только глаза, в которых недобрым светом плескалось изумрудное пламя.

- И что теперь?! - Гнев Анны, казалось, стал осязаемым. Она ненавидела, когда трогали ее вещи. - Появился кто-то еще?!

- Нет. Ему некого воскрешать. Но оно прикоснулось к нему, взвесило его, попробовало на вкус. И он увидел, откуда оно достает нас.

- Вас?!

- Мертвецов. Ребенку такое не вынести.

Ребенку... Гнев Анны испарился, и она почувствовала то же, что чувствовала последние три года - отчаяние. - Ты обязана сказать мне, кто это был.

- Не заставляй меня... - попросил призрак, но воля Анны уже побеждала, и все, что она смогла поделать, - это прикрыть глаза прежде, чем из нее силой вырвали имя, которое покойница так старалась от нее скрыть.

- Прости, но я не могу позволить, чтобы мне помешали, даже если это ребенок, - сказала Анна, вновь возвращая волю призраку своей мамы.

- Это ошибка, - прошептал призрак. - Ты не смогла отпустить меня, доченька. Не хотела. Когда вернулась и увидела, что я тоже мертва.

- Я скучаю по нему. - Из глаз девушки полились слезы. - Сама знаешь.

- Но зачем тебе этот ребенок?

- Он сам пришел! Одна жизнь в обмен на другую. Как по мне, так это вполне справедливо!

- Но ведь то, что ты делаешь, - это не жизнь! - закричал призрак. - Хватаясь за этот... морок, ты сама не видишь, во что себя превратила. В осквернительницу могил! В уби...

- Я не хочу это слышать! - Сжав кулаки, девушка с яростью посмотрела на оживленное, но не воскрешенное лицо своей матери. - Я не смогла вернуть его потому, что, заплатив за тебя, мне больше было нечем платить зеркалу за него. Но теперь... Похоже, у меня есть подходящая плата.

Открыв дверь, Анна спустилась в подвал. Отражение мальчика сидело в дальней комнате, на полу. На его лице замерла зловещая, болезненная улыбка.

- Ты пришла? - спросил «Артем», всматриваясь в Анну горящими зеленым огнем глазами. - Его душа мне по нраву. Приведи его, и сможешь выбирать вновь.

- Приведу.
- И кого же ты хочешь вернуть взамен? В этих комнатах много подходящих тел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.